

Ото сна ее пробудил звонкий смех.
— *О, ты проснулась?*
Легкое дуновение ветра принесло незнакомый запах. Он был ярким и свежим, но при этом нежным и теплым. А может, то был взгляд, который она почувствовала на себе в полудреме?

— *Опять заснула? Ну и соня.*

Чья-то рука нежно дотронулась до ее носа.

— Уже встаю, — сонно пробормотала она, ощущая, как ее мягко обнимают. Возможно, всему виной теплые лучи солнца, нагревшие макушку, но глаза никак не открывались.

— Мама... Мамочка...

Когда она терлась носом о шелестящую ткань, раздавался звук, который ее старший брат, если бы услышал, непременно назвал бы противным.

— *А говорила: «Мне уже целых пять лет!» Ты еще совсем малышка, Чхэхи.*

— Не маленькая я уже... — обиженно пробурчала она, зарываясь лицом в мамину юбку. И только когда подол совсем натянулся, несмело подняла голову.

— *Поздоровайся. Это давний друг твоей мамы.*

Удивившись слову «друг», она посмотрела вперед и увидела море. Ее ослепили блики света. Она потянулась вперед, но так и не смогла коснуться пальцами этой теплоты. Лишь схватила ветер.

— *Красиво, правда?*

Чхэхи медленно кивнула, не в силах отвести взгляд. Ей казалось, слово «красиво» не передает волшебное преломление лучей солнечного света на воде.

— *Но папе не говори. Это тайна.*



Мама легонько поднесла к губам длинный тонкий пальчик: «Ш-ш!» Игривые интонации ее голоса рассмешили Чхэхи, и она захохотала, извиваясь всем телом, словно кто-то щекотал ей пятки. «Тайна» — это слово делало всё вокруг удивительно загадочным. Внутри разгорелось любопытство. Заметив огоньки в глазах девочки, мама спросила:

— *Хочешь подойти ближе?*

Чхэхи тут же кивнула.

Мама протянула руку, словно позвала солнечные блики к себе:

— *Это — моя дочь Чхэхи, а это — ...*

Рассекая водную гладь, мерцание света приблизилось к ним и моргнуло голубыми глазами. Интересно, его можно потрогать? Чхэхи не успела даже додумать эту мысль, руки сами потянулись вперед. И тут же брызги воды с плеском взлетели вверх. Вздогнув одновременно с дочкой, мама взглянула на ее мокрые ладошки и вдруг звонко рассмеялась. Ее смех впервые звучал так радостно и беззаботно.

— *Похоже, тебе очень рады!*

Чхэхи так и хотелось возразить: «Ничего себе, рады!» — но мама выглядела такой счастливой, что оставалось только промолчать.

Мерцание мягко двигалось вместе с волнами, а мама, приобняв, похлопывала Чхэхи по спине, покачиваясь в такт прибою. Веки девочки потяжелели, и ее вновь охватила дремота.

— *Чхэхи...* — услышала она нежный, словно ветерок, шепот. — *Знаешь, в нашем мире существует такое... такое...*

* * *

— Да что ж такое, опять уснула!

Ее тряхнуло и повалило в сторону, тут же под одежду пробрался холодный ветер. Неплотно закрытые оконные ставни с громким звуком распахнулись и захлопнулись.

— Просыпайтесь, госпожа. Здесь велено пройти пешком.

— Ну, не-ет, я еще посплю... — заканючила она, повернувшись в сторону распахнувшейся двери, но это не помогло.

Девушка вылезла из паланкина, продолжая недовольно фыркать, словно ее вели на каторгу. В сонные глаза больно ударил яркий полуденный свет.

— Уф, ну и мучение. — Она потянулась, и онемевшие от долгой неподвижности руки и ноги взвыли от боли.

— О, ты проснулась?

«Точно, кажется, мне снился какой-то приятный сон...»

— Что же вы стоите? Нужно подниматься, — поторопили Чхэхи, пока та, задумавшись, неспешно натягивала на голову накидку сыге чхима¹.

— Да иду я, иду, — живо отозвалась девушка и шагнула вперед, но вдруг замерла, глядя перед собой. Казалось, даже дыхание перехватило.

— Я что, должна пешком туда взбираться? — в ужасе воскликнула она.

Небрежно наброшенная накидка соскользнула с ее головы.

— А вы предлагаете и здесь посадить вас в паланкин и тащить наверх? Если не собираетесь подниматься, то хотя бы отойдите в сторону, я пройду, — грубо ответила ей кормилица Мальсэнь, подобрав накидку и перебросив ее через руку.

Чхэхи стояла раскрыв рот и не верила своим глазам: впереди ждала высоченная лестница, конца которой не было видно. Только и оставалось, что изумленно моргать, глядя на эту немыслимую высоту. Сон как рукой сняло. Не успела она выбраться из проклятой повозки, как теперь ее

¹ СЫГЕ ЧХИМА — головная накидка, по крою напоминающая распашную юбку с завязками у подбородка, которая надевалась перед выходом на улицу, чтобы скрыть лицо женщины от посторонних глаз, поскольку считалось, что мужчины (не члены семьи) не должны были его видеть.

ждало уже новое испытание. Да на эти ступени даже смотреть страшно. Чхэхи поразило, как остальные так спокойно взваливают на себя вещи и отважно поднимаются. Она слышала, что это место окружено горами и морем, и предполагала, что отсюда трудно сбежать, но такого она не ожидала...

— Отец сильно разгневался?

— Да уж! Не прошло и тысячи лет, как вы удосужились поинтересоваться! Неужели думали, он сидит и смеется над тем, что его драгоценная дочь, отказавшись выходить замуж, переделась в мужское платье и прыгнула через забор?

Звучало это так сурово, словно изо рта кормилицы вот-вот вырвутся языки пламени. Поэтому Чхэхи решила не подливать масла в огонь, хотя ей было что ответить.

Все началось с отца. Он не только потребовал, чтобы Чхэхи этой зимой непременно вышла замуж, но еще и отправил в семью жениха письменное согласие на брак без ее ведома. В этих обстоятельствах просто сидеть сложа руки и ждать своей участи было невыносимо. Поэтому она стащила одежду одного из братьев и, облачившись в нее, ночью перелезла через ограду дома. Отец, конечно, сразу ее поймал, и теперь Чхэхи оказалась здесь, но ни о чем не жалела. Случись ей повернуть время вспять, просто выбрала бы прыгать через забор на заднем дворе, а не рядом с павильоном пёльдан¹.

— Эй, госпожа, поднимайтесь! Вы же не хотите всю ночь здесь провести?

Чхэхи крепко сжала губы, подхватила подол юбки и начала подъем.

«А я-то думала, что за место такое, раз отправили аж на три месяца? Гляжу, решили меня как следует помучить, — мысленно возмутилась она. — Впрочем, стоило ожидать.

¹ ПЁЛЬДАН — небольшой домик для отдыха, расположенный отдельно от основного дома.

Мы, конечно, и раньше с отцом спорили, но такого сурового выражения лица я не видела у него еще никогда».

Каменные ступени все не кончались, и она уж было начала жалеть о событиях прошлой ночи, как вдруг откуда-то подул ветер. Солоноватый запах моря, слегка отдающий рыбой, щекотнул ей нос и тут же пропал. Запах, по которому она так скучала. Словно подчиняясь ему, Чхэхи повернула голову и заметила, как сквозь густые ветви деревьев мелькнуло море.

— Няня¹, гляди-ка, море!

— Да-да, красота. Поднимайтесь уже, солнце садится.

Кормилица даже не подняла глаз, чтобы посмотреть, куда указывает Чхэхи. Время от времени постукивая себя по ногам, она продолжала двигаться вперед. Кажется, больные колени, на которые она постоянно жаловалась, действительно доставляли ей мучения. Оно и немудрено, ведь Мальсэнь пришлось практически без отдыха идти от самого Ханьяна², а теперь еще и взбираться по крутой лестнице.

— Подожди меня! — Чхэхи чуть задержала взгляд на синеве вдалеке и тут же бросилась вверх по лестнице.

Она догнала кормилицу и подхватила ее под руку, помогая идти. Когда-то Мальсэнь была полна сил и легко могла взобраться в гору, неся Чхэхи на спине. Теперь же верная помощница достигла возраста, когда пора коротать вечера у теплого очага, наблюдая за забавами внуков, но вместо этого стойко терпела лишения, ни разу не обвинив Чхэхи хоть в чем-то. От прилива благодарности и сочувствия Чхэхи сильнее напрягла руку, поддерживая няню.

¹ В семьях корейских аристократов было принято нанимать для новорожденной дочери кормилицу, которая не только вскармливала девочку своим молоком, но и оставалась для нее няней и помощницей до совершеннолетия.

² ХАНЬЯН — наименование столицы государства Чосон (нынешний Сеул) с 1394 по 1948 год.

Вдруг раздался какой-то звук, похожий на свист, он смешался с ветром и защекотал уши. Казалось, кто-то нежно зовет ее по имени: «Чхэхи-и-и...» Она повернула голову и поняла, что шепот доносится со стороны моря.

— Няня, няня! Ты слышала этот звук?

— Какой звук?

— Только что, вон с той стороны...

«Странно, я же четко слышала...» Чхэхи повернулась к морю, но звук уже затих. Только шелестели листья на ветру.

— Наверно, показалось, — выдохнула она, отвела взгляд и продолжила взбираться по лестнице.

До сих пор та казалась вполне преодолимой, но с середины круто пошла вверх, и девушка почувствовала, что дышать стало труднее. Даже кормилица, до этого стойко молчавшая, видимо, достигла своего предела и время от времени шумно переводила дух или же выдыхала: «Ох, умираю».

— Госпожа, когда вернетесь... скажите... скажите господину, уф... что вы раскаиваетесь. Хоть он вас и отругал, но все же предоставил паланкин в дорогу, а значит, переживает за вас.

— Не буду!

— Госпожа!

— А в чем я провинилась, чтобы просить прощения? Отец все решил, даже не посоветовавшись со мной!

— Это потому, что вы даже обсуждать эту тему не желали. Чуть зайдет речь, сразу «Не пойду, не хочу!». А ведь вам уже двадцать лет. Чем скорее вам подыщут жениха, тем...

— Няня, ты что, хочешь поскорее избавиться от меня? — резко остановившись, спросила Чхэхи с вызовом.

Мальсэнь округлила глаза:

— Да можно ли такое подумать!

— И отец туда же. Как будто его призрак преследует, однажды не выдавший дочь замуж! Только и делает, что

глядит грозно и твердит: «свадьба» да «свадьба»!.. Видимо, я ему просто надоела.

— Ох, госпожа, не говорите такое, даже в шутку. Господин о вас так заботится!

— Видимо, от большой заботы меня в эту глушь отправил? Да еще и жениха выбрал так выбрал!

— А что не так с женихом? Господин подбирал очень ответственно!

— Да уж! И результатом его придирчивого отбора стал всего лишь Ким Юнсон? Любимый сынок господина Ким Гюсика?

— Что значит «всего лишь»? Господин Ким Гюсик — чиновник из уважаемой семьи, члены которой из поколения в поколение занимали высшие должности в министерствах страны! Скончавшийся три года назад господин Ким Сухван был председателем государственного совета, а господина Ким Гюсика совсем недавно повысили до советника финансового ведомства. А ведь он отказывался от поста из-за трехлетнего траура по отцу. Любого ли позовут на столь высокую должность после такого? Ну а молодой господин, по слухам, недавно получил место в ведомстве дипломатической переписки. Так что сейчас все борются за право завязать хоть какие-то связи с этой семьей. В народе вон шутят, что у семьи Ким лишь один недостаток, и он в том, что молодой господин — их единственный сын.

Удивительно, как человек, который только что задыхался и стонал, что умирает, сумел без передышки произнести такую тираду. Чхэхи скривила губы и продолжила подниматься по ступеням, оставив позади Мальсэнь, которая пыталась отдышаться после длинного монолога. Чхэхи и без нее знала, насколько семья Ким выдающаяся. Да повсюду только о ней и судачат. Знала Чхэхи и о том, что все в округе обсуждали ее брак как вопрос решенный, хотя семьи только начали переговоры об этом.

— Пф, подумаешь, поступил на госслужбу! Зато государственный экзамен так и не сдал!

— Но и молодой господин Кихва пока не сдал. А они одного возраста, — возразила Мальсэн, попевая за Чхэхи, которая слегка обернулась на эту фразу и снова ускорила шаг.

— Брат уже давно мог бы приступить к обязанностям, а он чем занимается все это время? Первый этап прошел, а со вторым не торопится. И сын семьи Ким такой же. Говорит о своем назначении без экзаменов¹ как о каком-то достижении!

— Ох, госпожа, не знаете вы жизни. Разве любой может попасть на службу без отбора? Это говорит о величии его семьи!

Чхэхи собралась было возмутиться, что все она прекрасно понимает, как вдруг заметила, что лестница заканчивается. Мальсэн обогнала ее и первой ступила на ровную поверхность.

— Если так нравится их семья, то иди вместо меня.

— Куда? — уточнила кормилица.

— Замуж, куда ж еще!

Мальсэн на секунду опешила. Это ж надо такое предложить при живом-то муже, с которым она, пусть споря и ругаясь, но все же прожила больше двадцати лет и даже вырастила сына, который был старше Чхэхи на два года!

— Ты же сама говорила, что, будь возможность, променяла бы дядюшку Сокдоля на более достойного жениха. Может, это твой шанс? — иронично заметила Чхэхи.

— Ой-ой, да я бы с радостью! — ответила ей кормилица. — Давайте заканчивайте с шуточками и скорее идите наверх.

¹ В эпоху Чосон существовала практика назначения на государственные должности без сдачи государственных экзаменов. Это было своего рода привилегией, предоставляемой детям высокопоставленных чиновников.

Чхэхи надула губы и воскликнула:

— Все как сговорились... Это ж вам не какая-нибудь игра, это свадьба! Решается моя судьба! Но почему никого не волнует, что я думаю об этом?

— Да что вы. Давайте-ка послушаем, чем вам не угодило предложение, о котором другие могут только мечтать?

Вышедший встретить их мальчик лет десяти замер, услышав громкие голоса. Носильщики и слуги уже распаковывали вещи, но и они невольно прислушались к женскому разговору. Чхэхи замешкалась с ответом, и Мальсэнь, уперев руки в боки, с вызовом взглянула на нее, словно бы уже праздновала свою победу в споре. Все удивились такой картине, но Чхэхи вдруг вздернула подбородок и выкрикнула:

— Лицом он не вышел!

— Ну вы даете! Это он-то не вышел?

— Да. Черты у него... какие-то неправильные.

Чхэхи несколько раз провела рукой по лицу вверх-вниз, словно смахивая что-то, и носильщики не смогли сдержать смех. Встречающий их мальчишка тоже захихикал, но затих под строгим взглядом Мальсэнь. За это время Чхэхи все-таки добралась до ворот храма и, отряхнув пыль с подола юбки, скромно встала возле них. Возможно, потому, что она наконец выговорила, на лице ее играла довольная улыбка.

— Если уж жениха вашего считать некрасивым, то что говорить про других мужчин Ханьяна? Они для вас, наверное, не лучше вон тех камней придорожных? — заметила кормилица.

Вместо ответа Чхэхи только недовольно скривила губы, резко повернулась и, гордо вскинув голову, прошла за ворота. Кормилица поспешно продолжила:

— Госпожа, да я такого красавца, как он, в жизни не видывала! Когда он вернулся из империи Цин на родину, все в округе только о нем и говорили. Да вы будете идеальной парой!

— Не помню такого. И что мне толку до чужих восторгов, в моих глазах он не милее серого булыжника.

— Вы просто еще не знаете, что для мужчины красота — не главное...

— Знаю я это, знаю. Но что поделаешь, для меня внешность на первом месте.

— И что, милая физиономия вас прокормит?

— Ну, может, и нет, но уж точно подсластит мне еду. И разве не буду я сыта, просто глядя на красоту любимого?

Кормилица тяжело вздохнула и в отчаянии начала бить себя в грудь. Чхэхи съежилась, представив, какой шквал нравоучений сейчас обрушится на нее, но вместо этого услышала:

— Добро пожаловать. Вы проделали очень длинный путь.

Им радушно улыбался монах — он незаметно подошел, пока они спорили. Несмотря на седые брови, его осанка была прямой, а во взгляде чувствовалась сила, поэтому трудно было сразу понять, сколько же ему лет. Рядом с ним, крепко схватившись за одежду наставника, стоял тот самый мальчик-послушник, которому совсем недавно достался от Мальсэна строгий взгляд. Сейчас он молча разглядывал гостей и, возможно, из-за жестко отглаженного монашеского одеяния казался напряженным.

— Пока вы поднимались к нам, я еще сомневался, вы ли это. Но вблизи сразу вас узнал, — произнес монах.

Чхэхи все это время с любопытством разглядывала мальчишку. Иногда они встречались взглядами, после чего тот юркал за спину наставника. Но фраза монаха сразу же привлекла ее внимание.

— Вы меня знаете?

— Еще бы. Я видел вас еще грудничком в пеленках, как это можно забыть?

«Грудничок?» — Чхэхи мысленно повторила слово, которое раньше не приходилось слышать.